

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.54.15>**РЕЧЕВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-НАСТРАИВАЮЩЕЙ ТАКТИКИ АПЕЛЛЯЦИИ К СТЫДУ В МЕДИЙНОМ ДИАЛОГЕ**

Научная статья

Сбоева Д.А.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0002-7471-1828;¹ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (sboevadaria[at]gmail.com)

Аннотация

Данная статья посвящена речевой тактике апелляции к эмоции стыда в ситуации медийного диалога. На материале медийных диалогов из российских телеинтервью рассматриваются особенности речевой реализации этой тактики в ее различных вариациях и оценивается эффективность ее применения коммуникантами в рамках их глобальной речевой стратегии.

В ходе исследования автор выделяет и описывает две основные разновидности тактики: речевую тактику апелляции к эмоции стыда собеседника и речевую тактику апелляции к собственному стыду. Особое внимание в исследовании также уделяется защитным тактикам-реакциям на апелляцию к эмоции стыда.

Стыд является одной из сильных социальных эмоций, формирующихся в контексте социального взаимодействия. Апелляция к этой эмоции в речи может оказывать значительное влияние на ход коммуникации, в связи с чем комплексное изучение речевой тактики апелляции к эмоции стыда может способствовать более глубокому пониманию механизмов речевого воздействия и формирования эмоционального настроения в ходе коммуникации.

Ключевые слова: речевая тактика, медиадискурс, апелляция к эмоции, стыд.

SPEECH IMPLEMENTATION OF EMOTIONAL TACTICS OF APPEALING TO SHAME IN MEDIA DIALOGUE

Research article

Sboeva D.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0002-7471-1828;¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

* Corresponding author (sboevadaria[at]gmail.com)

Abstract

This article is dedicated to the speech tactics of appealing to the emotion of shame in a media dialogue situation. On the material of media dialogues from Russian TV interviews, the specifics of speech implementation of this tactic in its various variations are examined and the effectiveness of its use by communicators within the framework of their global speech strategy is evaluated.

In the course of the study, the author identifies and describes two main types of tactics: speech tactics of appealing to the interlocutor's shame emotion and speech tactics of appealing to one's own shame. The research also pays special attention to defence tactics-reactions to appeal to the emotion of shame.

Shame is one of the strong social emotions formed in the context of social interaction. Appeal to this emotion in speech can have a significant impact on the course of communication, in this regard, a comprehensive study of speech tactics of appeal to the emotion of shame can contribute to a deeper understanding of the mechanisms of speech impact and formation of emotional mood in the course of communication.

Keywords: speech tactics, media discourse, appeal to emotion, shame.

Введение

Стыд – это одна из сильных социальных эмоций, которая формируется в контексте социо-персонального взаимодействия и связана со страхом и тревогой. Стыд универсален, так как он характерен для всех без исключения людей и ориентирован на сферу должного [3, С. 20]. В момент коммуникации, тем более публичной, переживание этой эмоции коммуникантом может повлиять на ход развития диалога, и именно поэтому апелляция к стыду в такой ситуации может становиться своего рода «оружием» в арсенале говорящего. Целью настоящего исследования является выявление особенностей функционирования речевой тактики апелляции к эмоции стыда в речи. Всегда ли настрой адресата на эту эмоцию эффективен в масштабе глобальной стратегии адресанта? Какие реакции на эту речевую тактику возможны?

В рамках данного исследования мы на материале портретных интервью из телепередач «Жена. История любви» с Кирой Прошутинской, «Наедине со всеми» с Юлией Миньшовой и «Познер» с Владимиром Познером рассмотрели случаи применения тактики апелляции к эмоции стыда в ситуации медийного диалога. Проведение данного исследования именно на материале медийных диалогов обосновано такой особенностью последних, как фактор двойной адресации, который способен усилить степень воздействия тактики ввиду социальной эмоции стыда.

С целью идентификации речевой тактики апелляции к стыду в рассмотренных речевых ситуациях, а также для более глубокого понимания природы этой эмоции мы обратились к лингвистическим работам, посвященным

эмоциональному концепту «стыд», к этимологическим словарям русского языка и толковым словарям современного русского языка, поскольку эмоциональные переживания воспринимаются человеком через призму собственного языка [4, С. 348].

Согласно словарю М. Фасмера «стыд» этимологически восходит к лексеме «студа», которая означает «холод». М. Фасмер также отмечает родственную связь «стыда» с глаголами «стыгнуть (стынуть)», «студить», которые в свою очередь близки греческому *στύγέω*, аор. *ἔστυγον*, означающему «ненавижу, презираю, боюсь» [10, С. 789]. В историко-этимологическом словаре П.Я. Черных упоминается о связи корня со значением «то, что заставляет сжиматься, цепенеть, коченеть», отсюда «холод» в физическом смысле и «стыд» в нравственном [11, С. 214]. Н.Д. Арутюнова, анализируя связь «стыда» и «холода», справедливо замечает, что «холод» является симптомом и знаком дистанции и отчуждения, поэтому ассоциация отношения к виновному с ощущением холода и омерзения кажется естественной. Любой, отстраняясь от виновного, как бы обдаёт последнего холодом. Равно так же естественна ассоциация с холодом чувства самого виновного, стремящегося ввиду стыда к отдалению, к дистанции с социумом [2, С. 63].

В Толковом словаре В.И. Даля «стыд», он же «студ», определяется как чувство или внутреннее сознание предосудительного, «уничиженье, самоосужденье, раскаянье и смиренье, внутренняя исповедь перед совестью»; «срам, позор, посрамленье, поругание, униженье в глазах людей; застыванье крови от унижительного, скорбного чувства» (8). В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова «стыд – это чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка, вины» [7, С. 621], а в Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова «стыд» имеет следующие значения: «чувство смущения, раскаяния от сознания предосудительности поступка» и «позор, бесчестье» [9, С. 573].

В Словаре русской ментальности лингвисты, обобщая содержание дефиниции лексемы «стыд», указывают на то, что стыд в русской ментальности имеет связь с понятиями раскаяния, страха, нравственного чувства и представлениями о приличиях [6, С. 347].

В «Антологии концептов» в статье, посвященной стыду, говорится о многозначности слова: автор статьи, Е.А. Дженкова, отмечает, что лексема «стыд» входит в два синонимических ряда с доминантами «смущение» (смущенность, замешательство, стеснение, стесненность, неловкость, неудобство, застенчивость, конфуз) и «позор» (бесславие, бесчестье, срам, срамота, сором, скандал, позорище, посрамление, стыдоба). Е.А. Дженкова в результате анализа данных синонимических рядов выявила дифференциальные признаки номинантов исследуемого концепта – «робость», «нерешительность», «отсутствие непринужденности в поведении, действиях человека, вызванное волнением, утратой самообладания, внутреннего равновесия» [5, С. 234]. Исследователь отмечает, что в связи с тем, что слово «стыд» входит и в синонимический ряд с доминантой «позор», мы можем говорить о существовании «морального» стыда, а значит и о существовании зоны пересечения концептов «стыд», «позор», «честь/бесчестье», «совесть» в русском языке [5, С. 234]. Н.Д. Арутюнова также замечает вариативность стыда: «симптоматика стыда может меняться в зависимости от прагматического контекста, налагающего на него тот или другой отпечаток, сдвигающего его то в сторону страха и унижения, то в сторону смущения и неловкости при обнаружении сокровенного, то в сторону раскаяния за проступок» [1, С. 67].

Резюмируя вышесказанное, мы предполагаем, что речевая тактика апелляции к эмоции стыда опирается на: факты совершения субъектом определенного поступка; негативную оценку этого поступка социумом и самим субъектом и, как следствие, вызванную этим эмоциональную дестабилизацию субъекта. Кроме того, анализ дефиниций лексемы «стыд» показывает, что апелляция к стыду в речевом поведении, вероятно, может вызывать у условного «отступника» стеснение, смущение, волнение, утрату самообладания и внутреннего равновесия, может привести к его отчуждению социумом или попыткам самого «отступника» дистанцироваться от социума.

Опираясь на некоторые из данных предположений, мы искали прецеденты применения речевой тактики апелляции к стыду в исследуемом языковом материале:

1) вели поиск упоминания одним из коммуникантов поступка другого коммуниканта, который мог бы быть негативно оценен социумом;

2) вели поиск языковых репрезентантов эмоционального состояния «стыда», выраженных самой лексемой «стыд» и ее дериватами, а также вышеупомянутыми лексемами с доминантами «смущение» и «позор».

В результате из телепередач были отобраны фрагменты медиадиалогов, где коммуниканты апеллировали к эмоции стыда. Далее мы на примере некоторых диалогических единств рассмотрели особенности речевой реализации тактики апелляции к стыду, варианты ответа на нее и оценили результат применения этой тактики относительно глобальной стратегии ее адресанта.

Основные результаты и обсуждение

В ситуации медийного диалога для коммуникантов, в особенности для интервьюируемых, основной целью которых является самопрезентация, а также сохранение или даже улучшение репутации, было очень важно то, какое впечатление они производят на окружающих, и эта перманентная забота о социальной оценке во время коммуникации дополнительно усиливала их эмоциональные переживания. В рассмотренных речевых ситуациях интервьюируемый испытывал эмоциональные переживания не только потому, что осознает в момент коммуникации предосудительность какого-либо своего поступка, но и потому, что его поступок негативно оценивался интервьюером и, что еще более важно, зрителями. Как пишет Н.Д. Арутюнова, стыд предполагает взгляд извне, он возникает в условиях наружного наблюдения – реального или воображаемого, в нем соединяется чувство-оценка социума и вызванная им эмоциональная реакция того, кто отступил от нормы [1, С. 58]. В ситуации публичного общения, и тем более портретного интервью, предполагающего наличие фактора двойного адресата, эти самые «условия наружного наблюдения» присутствуют в гиперболизированной форме.

Разберем несколько показательных примеров использования тактики апелляции к стыду в медийном диалоге:

Познер: гость В. Машиков

В. Познер: *Правда ли, что Вам предлагали когда-то озвучить видеоигру, причем герой этой игры был списан с Вас внешне, а Вы отказались? Отказались, как сказано, потому что это не Ваш уровень.*

В. Машков: *Нет, таких слов в моем лексиконе, «не мой уровень», не было никогда в жизни. Мне, прям, сейчас аж стыдно. Дело в том, что это была странная такая, полуаферистическая вещь. Я очень рад, что эта игра собрала за месяц полмиллиарда долларов – это идет разговор о GTA 4. То есть это самая продаваемая игра в мире. И они использовали мой образ из картины Джона Мура под названием «В тылу врага». Вот, им понравилось такое. Я очень старался, собирал по кусочкам этот бомжеватый вид. И мне не сказали тогда, что это такое. Может быть, я озвучил бы. Не знаю... Ну... это интересно, часть профессии, но не особенно меня это увлекает.*

В. Познер: *Вы отказались потому, что неинтересно?*

В реплике интервьюера первая фраза содержит факт совершения оппонентом определенного поступка: «Правда ли, что Вам предлагали когда-то озвучить видеоигру, причем герой этой игры был списан с Вас внешне, а Вы отказались?» А во второй фразе мы уже видим оценку этого поступка социумом: «Отказались, как сказано, потому что это не Ваш уровень». Так интервьюер с помощью речевого хода ретроспекции к дискредитирующей коммуниканта ситуации апеллирует к эмоции стыда собеседника и при этом делает это «чужими устами» («как сказано»), стараясь сгладить намек на дискредитацию для сохранения кооперативности коммуникации.

Обратим внимание на ответное речевое поведение интервьюируемого. Сначала коммуникант, ставший объектом скрытой дискредитации, «защищается» прямым отрицанием дискредитирующего факта, затем в продолжении апеллирует к собственному стыду, что несколько противоречит его предыдущему речевому ходу, а после завершает свою защиту речевой тактикой оправдания (модель речевого поведения (РП): имплицитная апелляция к стыду собеседника «чужими устами» > отрицание дискредитирующего факта + эксплицитная апелляция к собственному стыду + оправдание). Интервьюируемый эксплицитно апеллирует к собственному стыду (использует в речи предикатив «стыдно»), при этом отмечает, что на эту эмоцию в настоящий момент его настроил именно интервьюер, это подчеркивается употреблением в речи усилительных частиц «прям», «аж» и наречия времени «сейчас» («Мне, прям, сейчас аж стыдно»). Эмоция стыда, как отмечала Н.Д. Арутюнова, является рикошетной эмоцией [2, С. 63], и здесь мы наглядно можем наблюдать этот рикошет: действие условного «отступника» оценено сначала другими, а потом им самим, что наносит по нему удар двойной силы.

Таким образом, в данной речевой ситуации мы наблюдаем имплицитную апелляцию к эмоции стыда и эксплицитную апелляцию к той же эмоции в ответ на нее. Рассматриваемая речевая тактика употребляется здесь обоими коммуникантами сразу: одним – как провокационная тактика «апелляция к стыду собеседника», а другим – как реакция на нее – «апелляция к собственному стыду». В связи с определенной противоречивостью ответных речевых действий интервьюируемого интервьюер продолжает развивать затронутую тему, так как эмоциональное воздействие, как уже очевидно интервьюеру, на коммуниканта было оказано успешно.

Рассмотрим еще две ситуации использования тактики эксплицитной апелляции к собственному стыду в ситуации медийного диалога:

Наедине со всеми: гостя Ю. Барановская

Ю. Меньшова: *Я думаю, господи, простите, ну господи, ну, ну сколько же можно поджимать пальцы в этих туфлях, в этой ... в этой надежде на то, что этот идеальный мир состоится. Тебя уже предали, тебе сделали больно, тебя ... ну подвергли всем возможным испытаниям, но ты все равно называешь сына Арсений, именем, которое тебе не нравится, но нравится мужу ... Это последняя соломинка? Это попытка отстоять свой идеальный мир? Он одумается? Он поймет? Он изменится?*

Ю. Барановская: *Это то ... (пауза) за что мне до сих пор стыдно. Стыдно перед самой собой. За год вот такого поведения.*

В этой речевой ситуации интервьюер с помощью ретроспекции негативных событий в жизни оппонента возвращает ее к переживаниям прошлого, старается добиться ее эмоционального отклика, далее подкрепляет ретроспекцию речевой тактикой «демонстрация непонимания», чем косвенно выражает свою оценку. В ответ на это оппонент использует тактику апелляции к собственному стыду, она реализуется прямой номинацией эмоции с помощью предикатива «стыдно» и функционирует в качестве тактики-реакции (модель речевого поведения РП: ретроспекция негативных событий + демонстрация непонимания > эксплицитная апелляция к собственному стыду). В этом прагматическом контексте симптоматика стыда сдвинута в сторону «беспомощности», «унижения», «поражения». Несмотря на то, что интервьюируемый говорит о «стыде перед самой собой», вероятно, в данной неловкой ситуации обнажения сокровенного применение этой речевой тактики мотивировано «зрительским взглядом извне».

А в следующем приведенном диалоге интервьюируемый использует речевую тактику апелляции к собственному стыду как смягчение и обрамление негативного факта из жизни:

Жена. История любви: гостя И. Слуцкая

К. Прошутинская: *Послушайте, а может вы просто больше эгоисты, чем были наши родители. Вы готовы вот сейчас посвящать себя своим детям?*

И. Слуцкая: *Мне стыдно, но нет.*

К. Прошутинская: *Спасибо за правду.*

Противительная конструкция «мне стыдно, но ...» здесь действует как удачный механизм демонстрации перед оппонентом и зрителями собственной искренности и способности адекватного восприятия действительности.

Далее обратимся к эксплицитной апелляции к эмоции стыда собеседника, вводимой в контекст «чужими устами»:

Познер: гость Г. Сукачев

В. Познер: *Полина Быковских спрашивает: «Как Вы думаете, Гарик, засовывать микрофон в штаны при публическом выступлении? На своем выступлении в Нижневартовске Вы именно так и поступили на глазах у изумленной публики. Хотя, думаю, не только там».*

Г. Сукачев: *Искусства-то в этом никакого, это шалость, скорее. Но, видите, запомнилось женщине. Это весело. Доставляет удовольствие. Подозреваю, что не только мне (смеется).*

В традиционной рубрике «Вопросы от зрителей» В. Познер самостоятельно выбирает вопросы от зрителей и «чужими устами» оказывает воздействие на собеседника, в том числе и эмоциональное. В приведенном отрывке В. Познер зачитывает вопрос зрителя, содержащий апелляцию к эмоции стыда. Маркером апелляции к эмоции стыда здесь является сама форма высказывания в виде риторического вопроса, призывающего адресата тактики к собственной оценке своих же действий. Осуждение в речи дополнительно подчеркивается семантическим контрастом между разговорной формулировкой «засовывать в штаны» и лексемой «искусство».

Особое внимание хочется обратить на реакцию интервьюируемого. Призываемый к стыду интервьюируемый эту эмоцию не испытывает, по крайней мере, никаким образом не выражает ее, ни вербально, ни невербально, он не оправдывается и не «нападает». На тактику апелляции к стыду в форме риторического вопроса он отвечает комбинацией из речевых ходов «констатация очевидного факта» и «ироническое приуменьшение значимости упомянутого дискредитирующего факта», сводит все к шутке (модель речевого поведения РП: эксплицитная апелляция к стыду собеседника «чужими устами» > констатация очевидности дискредитирующего факта + ироническое приуменьшения его значимости).

Рассмотрим еще один случай применения тактики апелляции к стыду собеседника:

Познер: гость А. Кончаловский

В. Познер: Ты написал множество книг. Ну, некоторые книги, в которых очень подробно рассказываешь о своих, ну, скажем так, близких отношениях с разными женщинами. Вот для чего? Вот ты можешь объяснить, что ты хотел? Что это? Для возбуждения интереса?

А. Кончаловский: Ну, что за бред?

В. Познер: Ну, а зачем? Это же все-таки очень такие, личностные вещи.

А. Кончаловский: Ну, я умру – будут все знать. Хотя бы не надо будет ничего вспоминать. Я там написал, я говорю «Женщины». Если вы говорите о женщинах, то я написал только о тех, кто был не замужем. О замужних женщинах там ни слова не упомянуто. А их тоже было достаточно. Так что, извини меня.

В данной ситуации тактику апелляции к стыду использует интервьюер, апелляция к стыду имплицитно выражена в повторяющихся вопросах коммуниканту «Вот для чего?»; «Что это? Вот ты можешь объяснить, что ты хотел?»; «Ну а зачем?», заданных сразу после упоминания определенных действий собеседника, которые могут быть расценены социумом как дискредитирующие. Интервьюер настойчиво спрашивает о мотивах и целях подобного поведения интервьюируемого и с помощью ряда этих вопросов формулирует собственную негативную оценку, далее адресант тактики косвенно в форме предположения обвиняет адресанта в стремлении к пиару. Все это заставляет адресата моментально среагировать, экспрессивно выразить свое несогласие («Ну, что за бред?»). Далее интервьюер продолжает выражать свою негативную оценку действиям собеседника: он использует выражения «близкие отношения», «личностные вещи» для того, чтобы подчеркнуть нарушение собеседником социальной этической нормы, говорит о неприемлемости выставления напоказ частной жизни других людей, его тон скептический и осуждающий. В ответ на этот речевой ход интервьюируемый начинает оправдываться: «Я написал только о тех, кто был не замужем...». Адресант тактики достигает своей промежуточной речевой цели, выводит коммуниканта на эмоции, таким образом он рассчитывает более полно раскрыть личность коммуниканта в глазах зрителя, сделать коммуникацию более эмоционально насыщенной (модель речевого поведения РП: имплицитная апелляция к стыду собеседника > отрицание + оправдание).

Еще один пример использования тактики апелляции к стыду собеседника мы наблюдаем в интервью Киры Прошутинской и Аллы Сигаловой в телепередаче «Он и Она». Здесь гипотетически предосудительный поступок адресата не оценивается в речи адресантом тактики, адресат сам додумывает негативную составляющую оценки адресанта тактики и эмоционально реагирует отнюдь не на сформулированную в речи негативную оценку поступков, а просто на упоминание определенного действия, которое по нравственным меркам действительно может быть расценено и им самим, и социумом как недостойное. Эмоции взаимодействуют между собой – одна эмоция может активировать, усиливать или ослаблять другую, и в данном случае апелляция к эмоции стыда связана с апелляцией к эмоции вины, здесь достаточно сложно отделить одну эмоцию от другой, они друг друга дополняют:

Жена. История любви: гостя А. Сигалова

К. Прошутинская (говорит о муже героини, просит героиню подтвердить или опровергнуть слухи о том, что в свое время она стала разлучницей): *Он ушел из семьи. (Пауза) Или был уже свободен?*

А. Сигалова: Он ушел, он ушел. По-бабски можно сказать, что она увела его из семьи (говорит более низким, «театральным» голосом, громко смеется). Но он не тот мужчина, которого можно было куда-то увести, он должен был сам принять решение, это решение осуществить, я знаю, что это ему далось чрезвычайно тяжело, чрезвычайно тяжело, мы никогда об этом не говорили, эта тема вообще была закрыта, потому что я поняла, что это его требование.

Тактику апелляции к эмоции стыда собеседника интервьюер строит на упоминании потенциально осуждаемого факта из жизни интервьюируемого. Тактика реализуется в речи прямой констатацией этого факта («Он ушел из семьи»), сглаженного реализованным в вопросительном предложении сомнением («Или был уже свободен?»). О том, что это действительно апелляция к эмоции стыда говорит предмет беседы (имеет отношение к представлениям о нравственности, о приличиях) и тот факт, что через некоторое время интервьюер предпринимает попытку указать на еще один поступок коммуниканта, не такой безнравственный, но тематически находящийся в той же самой плоскости, что и вышеупомянутый. В первом случае адресат тактики, к стыду которого пытаются воззвать, никак не выражает в речи именно эту эмоцию, однако эмоциональное возбуждение в речевом поведении адресата тактики присутствует: «По-бабски можно сказать, что она увела его из семьи (говорит более низким, «театральным» голосом, громко смеется)». Интервьюируемый в свою защиту предпринимает речевую тактику «юмор», выделяет ее

интонационно, а затем подкрепляет речевой тактикой «снятие с себя ответственности» («...он должен был сам принять решение, это решение осуществить...»), тем самым отрицая собственную роль в данной ситуации. Да, эмоцию стыда интервьюируемый не испытывает, или как минимум никаким образом ее не выражает, однако эмоциональная дестабилизация после имплицитной апелляции к эмоции стыда в речи очень заметна. (модель речевого поведения РП: имплицитная апелляция к стыду собеседника > шутка + снятие ответственности) Далее интервьюер вновь предпринимает тактику апелляции к стыду собеседника:

Жена. История любви: гостя А. Сигалова

К. Прошутинская: *Все равно вольно-неволью каждая женщина, она нарушает какой-то мужской ритм, компанию, она забирает этого человека к себе, это правда?*

А. Сигалова: Я уже потом, через какое-то количество лет узнала, что раньше вся их компания, она достаточно большая компания, они жили совсем иначе, они дружили домами, они все общались, приходите друг другу в гости, все это было очень красиво, шумно, весело...

К. Прошутинская: *Зачем это надо было разрушать? Или это случилось спонтанно?*

А. Сигалова: *А я не знала, что они так жили, но если я не люблю, когда ко мне в дом приходят.*

К. Прошутинская: *А он любит.*

А. Сигалова: А он любит, но в какой-то момент и он перестал это любить. Но ... Да я победительница, но я это не сделала насильственным путем, это просто так оказалось, что пришел период, когда вот надо так.

Упоминание еще одного предосудительного поступка интервьюируемого начинается с речевой тактики «обобщения» («Все равно вольно-неволью каждая женщина, она нарушает какой-то мужской ритм»). Речевая тактика обобщения позволяет интервьюеру показать отсутствие осуждения партнера по коммуникации, у нее это получается, и коммуникант впоследствии хорошо идет на откровенность, рассказывает некоторые факты из жизни. И второй речевой тактикой выступает косвенная апелляция к эмоции стыда. Тактика реализована в речи вопросительным предложением с наречием «зачем». «Зачем» здесь используется в своей вторичной иллокутивной функции, служит инструментом для постановки вопроса о целесообразности поступков собеседника, выражения недоумения. Подобные предложения зачастую содержат сильную эмоционально-оценочную составляющую. Таким образом, сначала интервьюер упоминает поступок собеседника, никак его не оценивая, выслушивает ответную реплику, а затем имплицитно выражает негативную оценку этого поступка. В свою защиту А. Сигалова использует тактику «игра в наивность» («А я не знала...»), так она снимает ответственность с себя. Затем она предпринимает тактику самоутверждения («Но... Да я победительница»), позиционирует себя как «победителя» в сложившейся ситуации (модель речевого поведения РП: обобщение + имплицитная апелляция к стыду собеседника > игра в наивность + самоутверждение).

Стоит акцентировать внимание на том, что в самом начале разговора А. Сигалова выразила сомнение, что у интервьюера получится узнать у нее то, о чем она изначально говорить не собиралась, а в конце их встречи интервьюер с помощью апелляции к эмоциям, и в частности к эмоциям стыда, примеры которых мы привели выше, все-таки успешно выводит коммуниканта на эмоциональные переживания и получает ответы на вопросы, которые касаются личных тем и которые изначально не планировались к обсуждению. Тактика апелляции к эмоции стыда в данном случае сработала достаточно эффективно, адресат тактики ввиду выхода из эмоционального равновесия раскрылся и разоткровенничался, чего интервьюер и добивался.

В приведенном ниже фрагменте адресантом апелляции к стыду тоже является интервьюер. Так же, как и в предыдущем диалоге, применение тактики апелляции к эмоции стыда мотивировано стремлением узнать информацию о личной жизни интервьюируемого, которую последний не желает озвучивать в СМИ:

Наедине со всеми: гость Е. Стычкин

Ю. Меньшова: Был момент, когда твоя «репутация» (показывает пальцами знак кавычек) в некотором смысле была подвержена некоторому сомнению, потому что... «как же так, как ему не стыдно... женщина с тремя детьми, он ее бросил» (передразнивает условных журналистов, театрально закатывает глаза) Это ...

Е. Стычкин: Я вообще ... эээ ... ну думаю о ... своей репутации ... в данном случае, особенно в связи с тем, что пишут в желтой прессе, главным образом, с точки зрения профессии, я понимаю, что, наверное, неправильная репутация, то есть она может быть блистательно неправильной ... может быть таким разгильдяем ...

Адресант тактики использует прямую апелляцию к стыду собеседника («как же так, как ему не стыдно») и при этом вводит ее в коммуникацию «чужими устами» («репутация в некотором смысле была подвержена некоторому сомнению»). Таким образом адресант тактики стремится сбалансировать намеренно вызываемую у оппонента эмоциональную дестабилизацию попыткой сохранить кооперативность общения с помощью речевой тактики «противопоставление чужим». В результате эмоциональная дестабилизация оппонента случается: он начинает говорить очень запутанно, стараясь заполнить паузы в речи вводно-модальными словами и сменить тему («Я вообще... эээ... ну думаю о... своей репутации ... в данном случае, особенно в связи с тем, что ...»). На вопрос интервьюера он в конце так и не отвечает, уходит от ответа, старается перевести фокус разговора с личной темы на тему профессиональную. Интервьюеру с помощью тактики имплицитной апелляции к стыду так и не удается достичь своей глобальной цели – «выведать ранее не известную информацию о личной жизни собеседника» (модель речевого поведения РП: эксплицитная апелляция к стыду собеседника «чужими устами» > смена темы). Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что не всегда тактика апелляции к эмоции стыда эффективна в рамках глобальной стратегии применяющего ее коммуниканта. На эффективность данной тактики в той или иной ситуации влияет множество факторов, и в большей степени индивидуальные особенности личности оппонента.

Заключение

В результате анализа языкового материала мы пришли к выводу, что в ситуации медийного диалога речевая тактика апелляции к эмоции стыда является широко употребляемой и достаточно вариативной. Эта тактика в разных

ее вариациях опирается на три главные составляющие: когнитивную (представление определенного поступка, ситуации прошлого, настоящего или даже вероятного), оценочную (оценка этого поступка социумом и совершившим его субъектом) и мотивационную (мотивы выражения в речи).

В ситуации медийного диалога рассматриваемую тактику используют как интервьюер, так и интервьюируемый: интервьюер использует имплицитную или эксплицитную апелляцию к стыду собеседника, а интервьюируемый – эксплицитную апелляцию к собственному стыду.

Эксплицитная апелляция к стыду в речи реализуется употреблением лексемы «стыд» и ее производных, при этом эксплицитная апелляция к стыду собеседника часто вплетается в прагматический контекст «чужими словами». Тактика имплицитной апелляции к стыду сопровождается в речи особой интонацией, а также невербальными средствами (жестами и мимикой) и строится на ретроспективе к определенным поступкам и ситуациям, потенциально осуждаемым обществом.

Речевая тактика апелляции к стыду собеседника может вызывать смущение, утрату внутреннего равновесия у адресата тактики. Ввиду социальной природы эмоции стыда факт присутствия «третьего члена беседы» (зрителя) в ситуации медийного диалога способствует интенсификации эмоциональных переживаний адресата тактики, что всегда находится в поле интересов интервьюера: в ситуации эмоциональной дестабилизации высока вероятность разговаривать интервьюируемых на темы, о которых они обычно предпочитают молчать и увлечь зрителя эмоциональной насыщенностью диалога. В качестве защитных механизмов от воздействия апелляции к стыду можно отметить следующие речевые тактики: отрицание, самоутверждение, оправдание, ирония, эксплицитная апелляция к собственному стыду, игра в наивность.

Речевая тактика апелляции к собственному стыду оказалась для адресанта тактики эффективной в обрамлении и смягчении касающегося его негативного факта, который во время коммуникации был предан огласке. Эту тактику в рассмотренных случаях можно считать механизмом демонстрации перед коммуникантом и зрителями собственной искренности и способности адекватного восприятия действительности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Арутюнова Н. Д. . О стыде и совести / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки этики; под ред. Н. Д. Арутюновой — Москва: Языки русской культуры, 2000. — с. 54-78.
2. Арутюнова Н. Д. О стыде и стуже / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. — 1997. — № 2. — с. 59 – 70. — URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1997-2/59-70> (дата обращения: 02.03.2024)
3. Буллер А. Теория стыда В.С. Соловьёва / А. Буллер // Соловьёвские исследования. — 2017. — № 2 (54). — с. 18 – 34. — URL: <http://ispu.ru/node/16068> (дата обращения: 16.02.2024)
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая — Москва: Русские словари, 1996. — 416 с.
5. Дженкова Е. А.. Стыд и вина / Е. А. Дженкова // Антология концептов; под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Том 3 — Волгоград: Парадигма, 2006. — с. 231-248.
6. Колесов В. В.. Словарь русской ментальности: П – Я: в 2 т.; / В. В. Колесов — Санкт-Петербург: Златоуст, 2014. — 2 т.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов — Москва: Оникс, Мир и образование, 2010. — 736 с.
8. Толковый словарь живого великорусского языка // Толковый словарь Даля. Онлайн версия. — 2008 — URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=39357> (дата обращения: 07.02.2024)
9. Толковый словарь русского языка в 4 т./ под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. — Т. 4.
10. Фасмер М.. Этимологический словарь русского языка: Муза – Сят: в 4 т.; / М. Фасмер — Москва: Прогресс, 1987. - 3 т.
11. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов: Панцирь – Ящур.: в 2 т.; / П. Я. Черных — Москва: Русский язык-Медиа, 2007. — 2 т.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arutjunova N. D. . O styde i sovesti [On Shame and Conscience] / N. D. Arutjunova // Logical Analysis of Language. Languages of Ethics; edited by N. D. Arutjunovoj — Moskva: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. — p. 54-78. [in Russian]
2. Arutjunova N. D. O styde i stuzhe [On Shame and Coldness] / N. D. Arutjunova // Topics in the study of language. — 1997. — № 2. — p. 59 – 70. — URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1997-2/59-70> (accessed: 02.03.2024) [in Russian]
3. Buller A. Teorija styda V.S. Solov'eva [Theory of Shame in V.S. Solovyov's Philosophy] / A. Buller // Solovyov Studies. — 2017. — № 2 (54). — p. 18 – 34. — URL: <http://ispu.ru/node/16068> (accessed: 16.02.2024) [in Russian]

4. Vezhbitskaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition] / A. Vezhbitskaja — Moskva: Russkie slovari, 1996. — 416 p. [in Russian]
5. Dzhenkova E. A.. Styd i vina [Shame and Guilt] / E. A. Dzhenkova // Anthology of Concepts; edited by V. I. Karasika, I. A. Sternina. Tom 3 — Volgograd: Paradigma, 2006. — p. 231-248. [in Russian]
6. Kolesov V. V.. Slovar' russkoj mental'nosti [Dictionary of Russian Mentality]: П – Я: in 2 vol.; / V. V. Kolesov — Sankt-Peterburg: Zlatoust, 2014. - 2 vol. [in Russian]
7. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language] / S. I. Ozhegov — Moskva: Oniks, Mir i obrazovanie, 2010. — 736 p. [in Russian]
8. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language] // Dal Dictionary. Online version. — 2008 — URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=39357> (accessed: 07.02.2024) [in Russian]
9. Tolkovii slovar russkogo yazika v 4 t. [Explanatory Dictionary of the Russian Language in 4 vols.] / ed. by D.N. Ushakov. — M.: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1940. — 4 vol. [in Russian]
10. Fasmer M.. Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]: Мыза – Сят: in 4 vol.; / M. Fasmer — Moskva: Progress, 1987. - 3 vol. [in Russian]
11. Chernyh P. Ja. Istoriko-etimologičeskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka: 13560 slov [Historical-Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: 13560 words]: Shell– Foot-and-mouth disease : in 2 vol.; / P. Ja. Chernyh — Moskva: Russkij jazyk-Media, 2007. — 2 vol. [in Russian]